

13 ВЕДЬМ

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Составитель Парфенов М. С.

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т67

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Юлии Межовой

В книге использованы иллюстрации *Александра Павлова*
и *Игоря Авильченко*

Составитель *Парфенов М. С.*

Т67 **13 ведьм:** сборник рассказов.— Москва: Издательство
АСТ, 2016.— 477, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-098485-5

13 авторов. 13 историй. 13 ведьм.

Сколько жив людской род — столько верит человек
в потустороннее. Верит — и боится. Дрожит от страха
перед тем, что за гранью. Страшится того, чего не мож-
ет объяснить и понять. Силу, которая нашему разуму
неподвластна.

Так было во времена стародавние, так бывает ныне,
так будет вовеки.

Но во все времена, в любую эпоху живут среди нас
те, кто держат в руках нити, связующие два мира, по эту
и по ту сторону.

Знахарки, колдуньи и экстрасенсы...

Ведьмы.

Ты боишься их? Зря...

Не боишься? Тебе же хуже!

Подписано в печать 26.07.16.

Формат 84 × 108 1/32. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Авторы, текст, 2016
© М. С. Парфенов, составление, 2016
© Ю. Межова, обложка, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

13 признаков того, что вы ведьма (вместо предисловия)

В Средние века в просвещенной Европе (впро-
чем, не только тогда и не только на старом конти-
ненте) вас могли бы сжечь на костре, утопить или
повесить за то, что вы якшаетесь с дьяволом, про-
сто потому, что...

1. У вас рыжие волосы. Чем гуще и красивее во-
лосы, тем больше шансов быть обвиненной в кол-
довстве. Впрочем, блондинку или брюнетку также
могли назвать ведьмой.

2. У вас зеленые глаза... или просто взгляд «кол-
довской», тяжелый, обворожительный. В общем,
если у вас в принципе ЕСТЬ глаза — вы уже, считай,
наполовину ведьма.

3. Вы носите темную одежду? Этого достаточно.
Похороны — чуть ли не шабаш колдуний замаски-
рованный.

4. Вы любите кошек... Потому что кошки — кол-
довские создания, настоящие исчадия ада, а не жи-
вотные.

5. Вы любите природу: леса, озера, животных.
В старые недобрые времена любая знахарка риско-
вала, ведь не божеское это дело — ворожить, на-
шептывать, врачевать.

6. У вас на теле есть родинки или родимые пят-
на необычной формы. Это «клеймо дьявола», его
надо выжечь... лучше всего вместе с вами.

7. В вашем доме не хватает порядка. Забыли убрать на прошлой неделе? Тогда мы идем убирать ВАС.

8. Вы умны. Вы слишком умны для женщины... или для мужчины, ведь последних тоже могли обвинить в ведьмовстве. Сатана дает многие знания своим приспешницам и приспешникам...

9. Вы сексапильны. Бойтесь, потому что если вас будут хотеть, но не сумеют добиться, то в отместку запросто могут обвинить в колдовстве. К тому же один из способов «изобличить» ведьму — заняться с ней сексом.

10. Вы не любите, когда кто-то без спроса вторгается в ваше личное пространство: касается плеча, подходит сзади, кричит в ухо... Что, этого никто не любит?.. Инквизитора, позовите инквизитора!

11. Вы общительны, у вас много знакомых. Кстати, любой ваш знакомый тоже может быть обвинен в ведьмовстве, вы сами под пытками укажете на него.

12. Вы — стерва. Не всякая стерва — ведьма, но всякая ведьма — стерва.

13. У вас во владении есть земельный участок или хороший дом. В некоторых странах инквизиция или люди, «обнаружившие» ведьму, по закону получали в собственность имущество оной, после того как над ведьмой учиняли расправу. Стоит ли удивляться, что соседи то и дело обвиняли друг друга в колдовстве?..

Теперь, зная все это, мы понимаем, что любую или любого из нас можно назвать ведьмой. Как минимум, потенциал есть. В былые времена, чтобы скрепить нечестивый союз с дьяволом, вам бы пришлось поцеловать рогатого под хвост. В наши дни, как думают некоторые святоши, достаточно прочесть книгу «13 ведьм».

Приступим же.

Алексей Провоторов КОСТЯНОЙ

«Говорят, на Бартоломеевой Жиже, под болотом, лежит кость. Лежит и гудит. Старая кость, живая. Кто ее в теле носил, умер давно, а она все никак. Большая, скажут, через все болото наискось.»

«Кто ее услышит, спокойно спать не сможет до конца дней, а прислушаться надумает — с ума сойдет. Блаженный Бартоломей в тех краях поселился, чтобы смифением и кротостью на позор выставить страхи перед костью, и год там отшельничал.»

«Когда же на следующую весну, как снег потаял, пошли люди навестить его, так он убил их и сожрал, и когда солдаты пришли и зарубили его, то нашли за жилищем его алтарь, а на алтаре кадавра, что он из костей складывал. Кости были человечески, но складывал он из них подобие звериное. Кадавр был больно страшен, солдаты порушили его и сожгли вместе с телом блаженного, а сами бежали оттуда.»

«Поверия Подесмы»

Поздняя осень рухнула на лес, придавила. За ночь последние листья облетели, как хлопья ржавчины. Палая листва подернулась инеем, бурьян на полянах тоже. Лес стоял мертвый и окостеневший, бесцветный, как пеплом присыпанный. Тревожно

и мерно свистели птицы, утонувшее в пасмурном небе солнце едва светило сквозь ветви. Оно казалось размытым, бесформенным, словно медленно растворялось в густых холодных тучах, подтекая водянистой розоватой кровью.

Он как раз думал о том, мертва ли эта, в красном, или еще нет, и подбирал в памяти подходящий заговор, когда услышал далекий мычащий стон впереди:

— Ынннааааа...

Звук разлегся в холодном воздухе, потерялся меж стволов. Как будто дурной гигант шлялся по лесу. По спине пошли мурашки. Неблизко, прикинул Лют, но глазом бы увидел, если б не дым, шиповник и густой терн. В этих зарослях Лют исцарапал уже всю куртку — к Бартоломеевой Жижке не вела ни одна дорога.

Хоть бы не сам Костяной. Вдруг чего.

Он остановился, не снимая руки с рукояти пистолета, и тут же дернулся от чьего-то прикосновения.

Это конь, которого он вел в поводу, механически сделал еще шаг, толкнул мордой в плечо и только тогда встал. Не ткнулся мягко, как обычно кони, а уперся, как в стену. Лют подозревал, что с конем что-то не так. Он или почти слеп, или очень туп.

— Хххххыыыыыннн...

Пока далеко. И вроде бы не движется. Может, просто зверь какой, подумал Лют. Болеет или что. Он отпустил деревянную рукоять, обернулся.

Конь, гнедой, старый, с седой мордой, смотрел куда-то сквозь лес. Поперек седла лежала девушка, накрытая серым Лютовым плащом. Из-под лямкой ткани торчал край алого платья. Лют подошел и, оглядываясь, поправил плащ так, чтоб красного стало не видно, но девушки не коснулся. Голова ее свешивалась с седла рядом с сумой и мечом, прито-

роченным к луке. Белые волосы обгорели, бледные щеки были перемазаны сажей. Она походила на мертвую. Или и правда умерла, пока они добирались. Он уже не мог отличить.

Лют много чего повидал за свои тридцать лет, но в такие места его занесло первый раз.

Близился вечер, собирался снег. Дым, повисший в ледяном воздухе, вливался в нутро с каждым неглубоким вдохом, душил, ел глаза. От него начала тупо и тошнотворно болеть голова.

Запах был мерзкий, страшноватый: как будто горела где-то там не листва, не дрова, а тряпки, волосы, кости. Отвратительный дух, как на площади после казни. Он много раз видел такое — костер, сдирающий плоть до костей, бескровная казнь, когда кипящая, варенная в жилах кровь за кровь не считалась.

Лют побаивался идти дальше. Не столько из-за стона, сколько из опасения выйти к пепелищу. Вдруг там не дом Буги, а обугленные брусья. От этих мыслей в руках поселилось какое-то невыносимое, безысходное ощущение, похожее на приступ сырой лихорадки. Он больше не знал, куда идти.

Лют выдохнул и двинул вперед, опасаясь, что конь откажется следовать за ним, но тот шагнул вслед, хоть и запоздало. Это был не Лютов конь — он принадлежал той, что лежала сейчас на его спине. Спешился Лют полчаса назад, когда лес пошел слишком густой.

Дальние деревья, белые тополя, казались призраками самих себя. Ягоды терна синели ярко в этом бесцветном лесу.

Начался уклон, видно, к болоту. Позади вдобавок к дыму стал собираться туман, и вскоре мир сузил, утонул в этом мареве, оставив лишь Люта, девушку и коня.

— Мыыыыыыхххх... — Тяжело, обморочно, страдальчески.

— В железном лесе, на каменном плесе,— завел Лют, выставив вперед мизинец и указательный палец,— на черном песке в белом сундуке сидит дева Маева, кто ей доброе слово скажет, того не тронь.— Голос Люта дрогнул, он сглотнул и продолжил: — Ни меня, ни коня, ни верного друга, я Маеву не лял, не ругал, и меня чтоб никто не пугал, чур меня, чур меня.— Лют поискал глазами солнце, но легче не стало. Оно, казалось, и вправду кровоточило, в лес медленно сочилась грязно-розовая мгла. Голова кружилась, из раздраженных глаз текли слезы.— В железном лесе...

Лют понял, что слышит тихое, хрипящее дыхание где-то впереди. Он хотел вынуть пистолет и понял, что страшится убрать сложенные из пальцев рога. Он привык полагаться на лезвие или пулю, но только если это Костяной, зверина, то что ему до Лютова оружия?

— На каменном плесе...

— На черном песке, в проклятущем сундуке.— Это был не его голос, а чей-то еще, низкий и надтреснутый, и Лют поперхнулся от ужаса. Короткие волосы встали дыбом.

Тут что-то всхрипнуло прямо в полусотне шагов, порыв ветра отнес дым, и Лют обнаружил себя на открытом месте. Впереди, в низине, он увидел огороженный частоколом двор и каменный дом с заросшей крышей, но мельком: он смотрел не туда.

Под аркой деревьев, правее, шагах в десяти стояла дебелистая старуха, и в закатных сумерках Лют сначала различил лишь силуэт, очертания, подумав с ужасом и облегчением одновременно: дошел.

— Каждый фетюх с заговором пнется. Небось и рога вперед выставил, падло.— Старуха добавила еще ругательство, и Лют понял, что старое поверье, будто колдуний можно отогнать бранью, врет.

— Я...

— Хлеб-то принес? — прогудела она надбитым колоколом.

— Принес, — ответил Лют. Он знал, с чего надо начинать разговор, когда ищешь такой помощи. Только опыта у него не было.

Она шагнула к нему, и он отступил на такой же шаг.

Лют слышал, как выглядит Буга, которую почитали ведьмой, знал все эти истории. Будто она убила свою мать, выпустила ей кровь при родах. Будто родилась с длинными черными волосами, которые так и не выпали.

Слышал, что при старом царе ее топили в реке, а она не тонула, и тогда ей на шею повязали жернов и руки взяли в колодки. Что рыбы отъели ей лицо, но самую большую она будто поймала зубами за хвост, и та таскала ведьму по реке, пока веревка на жернове не стерлась о дно, а колодки не осклизли настолько, что Буга смогла вытащить свои шестипалые руки.

Тогда она выбралась из реки и убила эту рыбу, а ее зубы забрала себе и хранила, а когда от старости ее собственные высыпались, вставила себе рыбы.

Может, это была только страшная сказка, но у старухи не оказалось глаз. На изрытом, словно после тяжелой оспы, лице темнели два провала: веки были открыты, но глазные впадины пустовали. Жесткие седые ресницы обрамляли их, ниже собрались синюшные морщинистые мешки, в углах век загустела желто-розовая сукровица, застекленевшие дорожки ее блестели вдоль крыльев носа. Вся левая скула ее была голой до кости, нижняя губа, считай, отсутствовала, комковатая сизая полоска, оставшаяся от нее, не прикрывала полупрозрачных, острых рыбьих зубов и бледных десен ущербной, скошенной назад челюсти. Кончик длинного носа, серый и мертвый, шелушился, в обгрызенных ноздрах вид-

нелись глянцевые красные сосуды. Седые, как дым, с моховой зеленкой волосы она откинула за спину. От старухи пахло псиной, дубовыми листьями и сушеным мясом.

— Что заткнулся? Знал, к кому шел?

— Держи хлеб.— Лют, как мог, взял себя в руки, расстегнул суму и отдал холщовый мешок с утренним, мягким еще караваем ведьме.

Его смущало, что он до сих пор не видел, кто там мычал в дыму. Стон пока прекратился, но во дворе, по ту сторону частокола, кто-то тихо болезненно дышал, Лют мог поклясться.

Пока старуха мяла и нюхала хлеб, как-то набок изгибая шею и тыкаясь в мешок слепым лицом, Лют огляделся.

До двора оставалось рукой подать, даже странно, что он не увидел его раньше. Морок, не иначе, подумал Лют и поежился.

В глубине круглого, огороженного кривым частоколом пространства стоял высокий каменный дом под замшелой круглой крышей. Над крыльцом на нее намело землю, там выросло рябиновое деревце, тянулось сломанной рукой к грязному небу. Через пальцы веток прядями тек дым — серый, густой, он не поднимался вверх, а струился из почерневшей каменной трубы вниз по горбу крыши. Лют никак не мог отвлечься от запаха жженой кости, к которому примешивался теперь и противный сладкий дух гнили: на частоколе висели черепа: бараньи, кабаньи, конские,— но это не были белые чистые кости. Одни замшели, другие покрывала черно-зеленая слизь, бурая кровь, запекшаяся или засохшая.

Наверное, зачем-то так было надо.

— Чем топишь, хозяйка? — спросил Лют, морщась. Его уже мутило от запаха дыма, а осклизавшие на колах головы грозили совсем задуть.

Розовато-серое морщинистое нутро давно заживших глазных впадин чуть сжалось, словно Буга сощурилась.

— Все в ход идет,— сказала она, смерив его невидящим взглядом пустых глазниц. Он видел осевшую на голой скуле изморозь.

Лют выдохнул и задержал дыхание. Он боялся, что, если сейчас вдох с запахом дыма потревожит гортань, его стошнит прямо на хозяйкины башмаки.

Он опустил взгляд, чтобы не видеть дыр в ее лице, и с удивлением обнаружил, что Буга обута в железные латные сапоги.

— Не жарко?

— Я свои семь пар не сносила,— ровно, но с какой-то тоской ответила ведьма. Лют не стал ничего спрашивать.— Пошли.— Буга махнула иссушенной и вправду шестипалой рукой в перстнях и посеменила ко двору

— Хлеб-то принимаешь?

— Еще что есть?

— Обижает. В сумас.

— Тогда принимаю. Во дворе поговорим.

Лют пошел следом, конь опять замешкался. Солнце садилось, короткий закат отгорал торопливо. Проявилась луна. С дыханием выходил пар. Зима стояла совсем близко, казалось, подними голову — увидишь исполинский силуэт, белые косы. Взглянет — замерзнешь, дунет — заметет.

Буга отворила массивную визгливую калитку, и Лют вошел в ведьмин двор.

— Мьыыыrrrrrrr...

Из-под забора, с груди какого-то замшелого тряпья, звякнув цепью, поднялось черное существо. В первую секунду Лют принял это за человека, но, когда оно шагнуло в его сторону на четвереньках, он понял, что это крупный, ногастый черный пес. Тот помотал головой, просыпаясь, задышал хрипло.

Так это пес храпел, подумал Лют. Упаси боги.
— Сиди, скотина! — рывкнула ведьма.

Пес виновато опустил тупую короткую морду, повесил свалывшийся хвост и сел в тряпье, перевернув пустую, заросшую грязью миску. Лют не стал на него смотреть, лишь на секунду поймал взгляд, и что-то в этом взгляде ему сильно не понравилось.

Конь даже ухом на пса не повел.

Буга развернулась к нему.

— За чем пожаловал, людолов?

— Деваха одна дымом надышалась. Вытащить бы.— Лют хотел промолчать, но все же спросил: — Как угадала?

— Вас за версту слышно. Одежда кожаная, дубленая хорошо, чтоб не скрипела, кожа черненная, по запаху чую. Порох еще. И страх. Вроде оборужен, а боишься. Знаю я такой запах, и за мной приходили.

— За тобой? — удивился Лют.— На ваших же наши давно не охотятся, закон вышел. Последний ловчий по ведьмам был Барвин, да и тот пропал не упомнишь когда.

— И Барвин, пес, заходил. Знала я его. А ты кем промышляешь?

— Ворье ловлю. Татей. Извергов людских.

— Что-то плохо ловишь. Маэв, Изуверка, еще не всех детей за три года у вас переела? Не слыхала, чтоб ее нашли да на кол посадили.

Лют закаменел лицом. Хотел что-то сказать, дернул углом рта и смолчал.

— Давай деваху, людолов. Погляжу.— Слепая ведьма усмехнулась.

Лют ослабил веревки, скинул плащ коню на шею и стащил девушку в красном с седла. Он мог бы поклясться, что она не дышала. И одежда, и кожа ее были холодны.

Ведьма подошла, принялась.

— Ты знаешь плату.

— Знаю. Плачу не я, платит она.

— А она согласна?

— Она сейчас, почитай, вещь, а значит, я за нее говорю.— Лют знал, как надо отвечать. Он умел читать и писать и за жизнь многому научился — работа обязывала. Но с ведьмой говорил впервые и колдовства раньше никогда не видел — только рассказы слышал. Пробирал страх.

— Ее не спросишь. Коли ты ответчик, с тебя помощь.

Лют замялся.

— Не бойся,— сказала ведьма, и ему стало как-то совсем не по себе.

— Все я сделаю сама. Ты только силой поможешь и на посылках побудешь. Принести, подержать, разделить мясо.

— Ммясо? — Лют сделал шаг назад. Девушка на руках была неприятно тяжелой.

— Да не ее ж, дурак. Жертва нужна. Ты знаешь, чем платить, нет? — Буга начала злиться.— Не будешь помогать — проваливай!

— Помогу, если надо. Куда я денусь.— Люту не нравилось это обещание, но по-другому выполнить свою работу он не мог.— Я отдаю коня, так? И то, что ты попросишь от нее самой. Кровь, зубы, да?

Буга кивнула, продолжая нюхать воздух.

— Только сразу скажу — не язык,— попросил Лют.— Мне нужно спросить ее, и мне нужно, чтоб она ответила, когда я спрошу. Это правда, что... Если ее... вытянуть... то она не сможет врать какое-то время?

— А чего не язык? Пусть напишет, чего тебе надо,— остро ослабилась ведьма.

— Я не знаю, умеет она или как.

— Не бойся, не совет. Если Костяной ее в лес не уволочит, если она глаза откроет, еще какое-то время будет не вся. Как блажная. Потому и врать не

сможет — никто еще не мог. Потом, конечно, оклемается, но это кто через минуту, а кто через месяц.

Лют кивнул. Он начинал замерзать без движения. Темнело, пошел редкий снег, ему хотелось торопиться, действовать, только бы убраться отсюда поскорее, хоть среди ночи, хоть когда, хоть с девкой, свободной или в кандалах, хоть без.

— Мне язык и не нужен. Я забрала бы волосы, да чую палеными пахнет. Коротки небось? Я возьму глаз.

— Зачем тебе глаз? — спросил Лют. Хотел сказать еще, что тут везде палеными волосами несет, раз она ими, видно, топит, да прикусил язык.

— Вставлю себе и буду видеть хоть полдня. А пока буду видеть — позову коз диких, стадо-то мое волки повытаскали в этом году, сарай пустой стоит. Ну да нет уже и тех волков, кончились.— Буга облизнула ошметки губы, словно вспоминая вкус.— А без глаза не помню я слова, как живого зверя приманивать.

— А если я прочитаю? — простодушно предложил Лют.

— Я те, падло, прочитаю! — прикрикнула ведьма.

— Глаз один?

— Один. Работа как раз на эту плату. Лишнего я не беру.

Буга обошла вокруг него, принялась. Руки уже затекли держать холодное тяжелое тело.

— Дым чую,— сказала ведьма. Лют возвел очи горе.— Смерть чую, навряд помогу. Конь плохой. Не деваха — давно женщина. И марена. Она в красном, да?

— Да, — ответил Лют.— Так все плохо?

— Тут, у частокола, не разберу, все смертью пахнет, да и дымом,— сказала Буга.

Ну да, подумал Лют, наконец-то дошло.

— Пошли в дом. Коня тогда... Управишь. Конь плохой.

— Вроде шел нормально.

— Шел, шел, дошел. Дальше ему не идти. А ты ступай за мной. Да не вздумай оружие в дом тащить! Чужого железа нельзя. Меч на седле оставь, никому он тут не нужен. А пистоль давай. Гляди-ка, вот в поленницу засуну.

Лют молча согласился. Даже перетерпел ведьмину лапу, пока она вслепую вынимала пистолет. Тот был заряжен, капсюль вставлен, для выстрела оставалось только взвести курок. И спустить его.

— Осторожно,— сказал Лют.

— Обучена,— огрызнулась Буга, засовывая оружие в дрова. Лют вздохнул.

Они вошли в тесные сени, а после — в просторную, но захлавленную комнату. Тепло, с изумлением подумал Лют, тут тепло!

Было темно, только в очаге пылал огонь.

— Клади,— Буга указала на широкий низкий стол из горбылей срезом вверх. Он был весь в жиру, аж лоснился, янтарно-желтый в пламени, по краям грязный. Лют с облегчением положил тело и осмотрелся.

Под высоким потолком проходили круглые брусья балок, маленькие оконца смотрели на две стороны света, каменный очаг занимал четверть комнаты, рядом стоял еще стол, поменьше и выше, с неприглядным железным инструментом и стопкой тряпок. На стенах были там и тут набиты полки с глиняными и редко стеклянными бутылками и пузырями; а где было ничем больше не занято — сушилась трава. Над окном висела здоровенная, с человечью, сухая рыба голова без зубов.

Ведьма разрежала красное платье, не церемонясь. Отхватила полосу от подола длинным, как раз свиной колотью, обоюдоострым ножом. Остальное бросила в огонь. Она ворочала голое тело легко, без усилий, как соломенную куклу. Делала все споро, как зрячая.

Запахло жженой тряпкой.

Без одежды девушка казалась старше. По бледной коже ползали блики открытого пламени, во впадинах и под боками плескались чернильные тени. На плече Лют увидел татуировку, перо. Такое ставили, если кто хорошо умел на ножах. У Люта пера не было.

Ведьма сунула Люту охапку свечей.

— Зажги. Расставь где придется.

Она сняла со стены веревку, обвязала лентой, отрезанной от платья, концы вправила в жгут, обвила хитрой петлей девахе вокруг шеи, конец веревки засунула ей между зубами, сжав пальцами щеки, чтоб открыть рот. Небо, успел заметить Лют, было бледным и опухшим, засохшая слюна хрустнула коростой.

Ко второму концу веревки ведьма привязала ржавый замызганный крюк, перекинула веревку через балку, словно для казни.

— Вот сейчас проверим, будет толк или нет. Держи ее за плечи.

Буга взяла со стола что-то похожее на остро оточенную железную ложку, свободной рукой подняла девушке одно, другое веко, поднесла нос к каждому глазу, понюхала.

Приставила ложку к внешнему краю правого глаза, нажала. Потекла кровь.

— Течет,— сказала Буга довольно, проведя носом над виском девушки.

Лют взмок.

— Ну она и не дернулась,— сказала ведьма, вынимая ложку из раны. Капли упали на стол, оставили дорожку.— Держи-держи,— велела Буга, увидев, что Лют собирается убрать руки с голых липких плеч.— Сейчас я слова почитаю, а ты пока коня за режешь. Потом глаз. А сейчас не отпускай, мне палец надо.

Лют закусил губу. Он проливал кровь, приводил людей на казнь, но никогда еще не видел такого деловитого расчленения живого тела.

Буга же взяла тот самый длинный нож, отвела левый мизинец девушки в сторону и, натянув рукав на ладонь, нажала на лезвие. Влажно хрустнуло, и тело под руками Люта слабо дернулось. Потекла, расширяясь лужицей, кровь. Ведьма сунула девичью руку в какую-то тряпку, прямо срезом пальца, даже не замотала. Палец полетел в огонь.

— Чтоб Костяной запах знал,— сказала Буга окаменевшему Люту.— Видишь, дрогнула, тать. Может, и вытянем. А на дворе прямо смертью пахло. Надо же.

Лют промолчал.

— Теперь ступай коня резать. У двери висит тряпка, постели ему под брюхо. Отведи его в лес за избу, прямо вон за то окно.— Ведьма указала длинным корявым пальцем.— Там камень. Поставишь его на камень, кинешь тряпку. Горло перережешь. Как упадет, выпустишь кишки на тряпку. Мяса нарежешь с коня хорошего, кости только не трожь, мясо тоже к требухе бросишь, тряпку узлом завяжешь. Сумеешь?

— На козу охотился.

— Стукнешь в окно, я тебе веревку выкину, мешок этот с требухой на крюк нацепишь, а коня так и брось. Возвращайся тогда, да будешь эту держать, пока я глаз достану. А тогда как раз и Костяной придет. Можно его из костей собрать, да зачем, когда целый конь есть, со шкурой даже. Его тело пусть и берет.

Лют выдохнул, с каким-то щелчком вдохнул. Вон оно как.

Подошел к двери, взял тряпку.

— Эту? — спросил в спину Буге, которая высунула голову в окно, в темный лес. Солнце село, чащу затопили синие сумерки.

Ведьма обернулась через плечо, тусклый свет залег в морщинах, и ее лицо стало похоже на древний камень, лик неизвестного каменного светила, чужой луны.

Лют сглотнул и, скинув ледяной крюк, вывалился на крыльцо.

Дым стелился низом, заливал двор, густой, комковатый, как какая-то белая жижа, драконова блевотина с запахом сгоревших костей и сырых испарений.

Было холодно, и после жирной избяной духоты Лют все-таки почувствовал облегчение.

Он отправился к коню, выбравшись из-под стекавшего с крыши дымного водопада. Тот, оказалось, стоял где оставили, не шевелясь. От этого стало как-то жутко.

Поднялся ветер, в лесу стоял шорох и стук, дражное покрывало облаков сползло с луны, какой-то выпуклой, объемной сквозь дым. Она походила на стеклянный фонарь и казалась нереально маленькой и близкой. У Люта кружилась голова, и ему казалось, что луна падает. Он опасливо косился на нее.

А может, это земля подрагивала от гула древних, глубинных костей.

Люту вдруг представилось, что у земли тоже может быть скелет, титанические кости и бездонная красная плоть, океаны крови в подземных руслах под ногами, и его и впрямь чуть не стошнило.

Страшный пес забился в свою косую конуру, лапы его торчали из густой черной тени на лунный свет и мелко дрожали. Он тяжело, хрипло дышал в темноте, в положении лап все время угадывались линии скрещенных рук и ног, и так просто было представить себе в этой синей тьме черты искаженного человеческого лица.

Луна и дым шутили дурные шутки. Запах разложения ощутимо усилился, когда Лют подошел к коню.

Меч висел у седла, как и прежде. Но Лют, протянув к нему руку, оторопел.

В свете луны конь казался страшным. Губы его обвисли, зрачки не расширились, как полагалось ночью, и оставались неподвижными. На шкуре появились пятна. На застывшей морде отпечатались костенелый столбнячный оскал.

Конь был мертв. Это не мешало ему стоять, но он был мертв, и, как вдруг понял Лют, мертв уже давно, с самого утра.

Он наклонился и, дрожа, заглянул под брюхо.

Проникающая рана там, где печенка. Такое он умел отличать.

Шепотом скуля заговор, Лют бросился в дом обратно.

Буга обернулась к нему, тень ее двинулась на стене, и Люту показалось, что черный силуэт отстал на секунду.

Блики прошлись по кости скулы, железным швам под челюстью. Нос, казалось, еще удлинился.

Мокро чавкнули десны, блеснули в темноте игольчатые зубы давно мертвой рыбы.

Все здесь мертво, а жива ли сама Буга, подумал затравленно Лют. Ночь душила его, это место душило. Казалось, стопами он чувствовал слабую, неразличимую дрожь под полом.

— Конь... конь... он...

— Убежал?

— Он мертвый. Он стоит на ногах, но, по-моему, он мертвый уже давно. Он мертвый сюда шел, — чувствуя слабость под языком и дикую тошноту, выдохнул наконец Лют. Колени его подгибались, руки сделались ватными.

Ведьма заворчала. Потом взяла веревку, перевернула тело девушки на живот и связала ей руки за спиной. Потом так же — ноги. Лют стоял, его била

дрожь. С ним случалось разное, и сам он всякое творил, но то были понятные, человеческие вещи, будь то охота, погоня, драка или казнь. А сейчас другое, нелюдское, страшное давило его, навалившись на плечи, на голову.

— погоди, людолов... — Буга подошла ближе, накрыв его тенью. Люту показалось, что тень ледяная. — Она одета в красное, а в красном казнят убийц или отравителей. Она задохнулась в дыму. Не на пожаре. Ты с казни ее увез, прежде чем она стгорела, так?

— Так, — беззвучно шепнул Лют.

— А коня, чтоб служил и после смерти, я знаю только у одной хозяйки. Это изуверка Маэв. Ты чего мне сразу не сказал?..

Низкий голос ведьмы перерос в угрожающий рык, Лют вдруг заметил, что в шестипалой лапе ведьма держит тот самый свинокол.

— Если б я знал про коня, — ответил Лют сбивчиво. — Я откуда знал? Я искал Маэв, раз знаешь ее, знаешь, за что. Детей убивать и есть, и девок, и парней молодых — это даже не всякая ведьма будет, ты-то не станешь?..

Буга мертво промолчала. Лют потерял последнюю уверенность в своих словах, но продолжал:

— А я не был уверен, что она это. Думал, Костяной вытянет, и спрошу. Я ее выследил, почти наверняка. В Доре ее поймали, под именем Слоан, на воровстве. И все бы ничего, но убила она стражника, когда ее вязали. Сама знаешь, она, мало того что изверг, так дурная и дюжая. Говорят, отец ее не человек.

— И без тебя слышала, с кем ее мать путалась. Ну?

— Ее почти сожгли, когда я ее нашел. Коня загнал, так спешил, когда услышал, что похожую деваху в Доре жечь собрались. Ну, я царский ловчий, кто мне откажет в такой глуши, Дор, считай, деревня.

Забрал ее, конь ее сам привязался, он за углом просто стоял.— Лют проглотил липкую слюну и продолжал: — Теперь думаю — подробностей-то я не знаю,— может, она на коне пыталась бежать, его стража и свалила. А он за хозяйкой пришел. Не знаю, как все было, только он точно мертвый. А ты откуда знаешь, что у Маэв конь так заговорен?

— Я заговаривала.

— А... — Лют растерялся.— Я думал, ты как-то с ней не ладишь?

— Мне до ваших людских распрей ничего. Только вот за Маэв и отец ее может заявиться, если обидим. Тут, на болотах, мертвые кости спокойно не лежат.

— Мне также все равно до ваших нелюдских. Ты обещала, ты делай.

— А на кой тебе ее вытягивать-то, людолов, коли ее казнить хотели? Разница-то, под каким именем? Я тебе точно говорю — конь ее, она это. Белобрысая ж?

Лют вздохнул.

— Да. Я б оставил ее гореть, но... Два года назад в Мохаер она зашла на крайнюю улочку, попросилась в дом попить воды. Дома была только нянька и две девочки, четырех лет и семи. Няньку потом нашли без ступней и ладоней, кровью изошла. Косточки дитячьи нашли прямо там, в очаге. Но только от одной косточки, понимаешь?

Голос Люта дрожал, но слез не было. Он никогда еще не плакал, с тех пор как кончилось детство.

— Вторую не нашли никогда. Говорят, в тот день их видели вдвоем на тракте, а потом видели бродяг, шедших из Тирки в Белолес. У них была похожая девочка.

Это были дочки моего друга. И я хочу знать, где вторая. Может, она продала ее бродягам. Может, малая сбежала. Тела никогда не нашли. Я хочу

спросить ее. Ты же не можешь задать вопрос мертвой?

— Никак.

— Тогда вытяни ее.

— Ладно. Придется мне уплаты с нее не брать, палец посчитаю — и хорош. И то раз обещала, да начала, да кусок взяла. Провалились ты, падло людолов. Лют промолчал.

— А дальше ты с ней как?

— По закону, надо будет казнить на площади. Но там посмотрим. Что скажет.

— Лады. Ступай делай, как я сказала, мертвый он, живой, кости в нем, шкура сверху. Если Костяной мертвой кониной побрезгует, тогда глядеть будем. Чтоб ты неладен был — впутал меня.

Лют снова вышел на двор. Совсем стемнело, злая луна смотрела в упор.

Он подошел к коню, протянул дрожащую руку и взял меч. Потом расседлал его, отставил сумки с едой для ведьмы в сторону. Перепоясался, подобрал тряпку, взял недвижимого, как статуя, коня за повод и повел вокруг дома. В темноте он старался не оборачиваться. Конь шагал за ним.

Из окна почти не падал свет, луна закатилась за драные тучи, но плоский белый камень Лют нашел без труда.

Шорох и стук в лесу сделались громче. Лют, непрестанно оборачиваясь, поставил коня на камень, расстелил липкую смрадную тряпку и понял, что, если просто перережет коню горло, то ничего, наверное, не случится.

Тот стоял, безучастный. Люту внезапно стало дико жаль его. Он со всхлипом втянул воздух, вынул меч и размашистой дугой опустил лезвие коню на шею. Чавкнуло мясо, конь без звука рухнул на колени, и Лют, закричав, в несколько лихорадочных ударов отрубил ему голову.

Крови не было. Она, видно, давно свернулась.

Туша завалилась на бок, и, зажимая рот рукой, Лют разрезал дважды мертвому коню брюхо. Хорошо, было темно, он видел только мокрые блики. Невыносимо смердящее нутро вывалилось где на тряпку, где мимо, и Лют понял, что сначала надо было нарезать мяса, потом уже вынимать кишки.

Он закатал рукава и взялся за нож, стараясь не думать, в чем таком холодном и липком лезят его руки, за что тянут, что, неподатливое, тягучее, сальное, режут.

Потом он откатился в сторону, и его все-таки вырвало. Он утерся рукавом, не выпуская ножа, вернулся к туше. Ему показалось, что безголовый конь легко двинул ногой. Задыхаясь от ужаса, то горячего, то ледяного, Лют, моля, чтобы этот кошмар никогда, никогда, никогда не повторился, отрезал куски мяса с бедра и бросал к кишкам. Они влажно шлепались, Лют сплевывал кислую слюну после каждого такого звука — не мог глотать.

Потом он вытянул края тряпки из-под тяжелого коня, затянул завязки. Несло невыносимо, Лют не знал, какое создание согласится это жрать. Нож кое-как вытер, а меч с омерзением выбросил в лес. Не стоило, но этим оружием он уже ничего не смог бы сделать.

Стукнул в окно. Высунулась Буга, повела носом.

— Ну и дух. Все заблевал, еще железом насорил, падло. Ну цепляй крюк да иди сюда, я читать буду, давай отгудова, пока Костяной в коня не вошел.

Лют не помнил, как вернулся. Долго полоскал руки в лохани с ледяной водой, на которую ведьма кивнула, но отмыться так и не смог — от задубевших пальцев в белом жирном налете несло смертью. Почему в жаркой избе вода была ледяной, он даже не думал.

Ведьма глухо бубнила. Лют слышал, что она говорит, но понимал мало.

— ...Нетрог сидит на звезде Торб, Сторог сидит на звезде Анамнель, Красный да Черный вьются вокруг звезды Полора, но она гаснет или погасла уже. Железная Голова сидел на звезде Земле, пока не пал...

Лют сел на пол и просто ждал. Он впал в пустой дремотный ступор. Голова раскальвалась, Буга гудела, пол вибрировал, кто-то влажно ходил в лесу за окном, порывкивал, шуршал листьями. Лют вдыхал и выдыхал, закрыв глаза.

— Людолов!

Лют дернулся, как от пощечины, мутным невидящим взглядом посмотрел в пустые глазницы ведьмы. Ну что еще от него надо, он ведь все уже сделал.

— Не берет Костяной мясо, злится. Сам мертвечина, а мертвечину не жрет.

— Так что? — тупо спросил Лют. Он уже отчаялся дожидаться не то что утра, хоть какого-то результата.

— Кажись, придется пса. Жаль, я долго его... растила.— Буга замолчала и смерила Люта дырявым взглядом.— Найду себе нового. Позлее. А этот скорей дурной.

Люту все меньше хотелось знать историю пса. Дикий соблазн сбежать вполз в душу.

— Подзови его и заруби. Я тебе сухарь дам вот. Ну, ему.

Лют замотал головой. Замычал. Убийство огромного, грязного, но какого-то жалкого пса совсем не казалось похожим на охоту. А при мысли о том, что ему снова предстоит копаться в кишках, его едва не вывернуло еще раз, хотя он ощущал себя пустым и выжатым.

— Ты сказался помощником, лудина ты, ступай! У тебя ручищи и так в крови!

Отчаяние охватило Люта и сдавило, как беспомощного червя.

А если он откажется помогать ведьме, та будет вправе сделать с ним что угодно, и никакие рога, никакой заговор не спасет.

— Слушай, Буга. Можно я возьму свой пистолет.

Лют даже не добавил вопросительных интонаций. Не мог.

Линялые брови ведьмы пошли вверх, глазницы округлились, что-то там с влажным коротким шорохом разлилось. Люта аж передернуло.

— Грязная смерть... Ну бери. Свинец?

— Свинец.

— Сойдет.— Ведьма сунула Люту замусоленный дубовый сухарь.

— Как его зовут? Как подманить-то?

— Барвин. Если он еще помнит.

Лют не стал переспрашивать, правда ли это, просто вывалился во двор.

Погода стонала, дым все так же жался к земле, только теперь сквозняками меж кольев забора его растянуло нитями, прядями, словно Зима чесала свой локон о частокол. Редкий снег летал беспорядочно. В щелях забора ветер выл, как безмозглая зверина. А может, и не ветер. Втягивая голову в кожаный ворот куртки, Лют спустился с крыльца и вытянул из поленницы пистолет, снова косясь на луну. Ее разгневанное, мутное око мигало в разрывах облаков.

— Барвин... — позвал Лют дрожащим голосом.— Барвин, Барвин!..

Сухарь крошился, крошки липли к рукам, кололи между пальцами, льняная рубаха под курткой пристала к телу, глотку саднило, воспаленные глаза ворочались со скрипом, а язык распух. Лют начал терять ощущение себя. Когда-то в отрочестве, лет пятнадцать назад, он переболел лихорадкой, и в самую тяжелую ночь ему от заката до рассвета казалось, что он должен закрыть дверь в избу, а он ни-

как не мог — то двери не оказывалось, то ее кто-то открывал все время с той стороны, потом он сам стал дверью и до утра промучился, потрясенный невозможностью приложить усилие к самому себе. Утром проснулся мокрый как мышь, но пошел на поправку. Глаза его с тех пор поменяли цвет с карего на травянисто-желтый, а ощущение невыносимого, ломотного, едва ли не потустороннего бреда он запомнил на всю жизнь.

Вот теперь оно возвращалось.

— Барвин!..— Горло пересохло, голос сипел. Лют никак не мог слотнуть, слюна кончилась.

Существо вылезло из дырявой косо́й хибары и, виляя опущенным хвостом, поползло к Люту. Лют, повинувшись порыву, присел.

Огромный жуткий пес подползал все ближе, едва ли не на брюхе. Лют заметил, что, если смотреть в сторону, то легко принять пса за худого, изможденного мужика: краем глаза движения казались людскими.

Барвин подполз к Люту и положил уродливую, короткомордую голову ему на колени.

Лют посмотрел ему в глаза и не увидел там ничего, кроме загнанной, забитой тоски. Тут он понял, что не так с псом.

Глаза у него на морде были человеческие.

— Ты же знаешь, что это? — онемелыми губами, невнятно, как в кошмаре, промычал Лют, поднимая пистолет.

Барвин поднял голову и согласно качнул ею.

Лют прижал дуло к виску пса, прикрыл веки, успев, однако, прочесть в зрачках воспаленных глаз облегчение.

И нажал на спуск.

Осечки не было.

Только потом он взял нож. Стараясь просто отключиться от всего. Оно не стоило никаких денег,

никакой платы ловчего, но уговор с ведьмой не оставлял ему выбора, да и долг дружбы тоже.

Больше я не буду, думал Лют. Я ничего больше не буду. Я куплю мельницу на берегу озера, на лугу, подальше от леса. Заведу селезней. Просто чтобы глядеть, как они плавают. Встречу девушку. И мне ничего больше не будет нужно. Никогда. Я сломаю пистолет, расплавию меч, сожгу дорожную одежду и никогда не буду больше ходить в лес. Не буду пытаться никому помочь и никого спасти. И никакого колдовства. Даже гадания на картах. Никогда. Ничего. Только бы выбраться отсюда. Увидеть утро без дыма, без ветвей над головой, без крови на руках.

Лют выскреб ножом нутро и принялся разрубать ребра.

Он свеживал Барвина, грея руки в крови, и бросал мясо в свою кожаную одежду — прихватить что-нибудь в доме он забыл, а сил возвращаться не было.

Потом он как-то встал, бросив нож у изрезанного тела, глянул на отражение луны в крови, связал куртку узлом и вернулся в дом.

Молча отдал сверток старухе, и та занялась им и крюком. Лют стоял столбом, он даже на пол был не в силах сесть. С рук капало.

Наконец что-то произошло, зачавкало за окном. Лют мотнул головой. Может, хоть что-то кончится в этой ночи. Или ему еще кого-то надо будет убивать?..

Я пока не дошел до края, подумал Лют. Много ли осталось?

Веревка натянулась, поползла, зашуршала по скверно ошкуренной балке. Стало холодно, в окно потянул сквозняк с запахом гнили, горечи, мускуса. На распахнутых стеклах проявились узоры, все как один похожие на закрученные рога. Сжались в испуге свечи, огонь в печи угас, только жар бегал по углям, туманясь белым пеплом.

— Держи огонь! — рявкнула Буга.— Хоть бы одну свечу!

Свечи в ответ начали гаснуть, исходя дымками.

Лют схватил огниво ледяными липкими пальцами, ударил. Раз, другой, третий, четвертый. Свеча занялась неохотно, задымила, но огонь удержала. Лют поджег от нее еще одну, и еще, первая тем временем погасла.

В окно полетел снег. Донесся низкий дрожащий рык и шорох шагов. Тяжелых, широких.

Тело девушки со связанными за спиной руками начало подниматься, петля сжалась вокруг шеи, натянулась уходящая в окно веревка.

— Теперь, если он ее через балку перетянет да в лес унесет, значит, погибла она. А если не осилит, значит, только гибель ее на себя заберет, а тело нам оставит, а тело без гибели живое.

Лют молчал.

Голые ступни оторвались от липкого стола с коротким мерзким звуком. Нагая девушка в петле под потолком выглядела едва ли не жутче всего, что Лют за сегодня видел. Голова ее свесилась набок, язык вывалился из открытого рта, но конец веревки еще держался между зубами. Лют увидел, как по языку потек дым, поднимаясь к потолку. Снег перестал влетать в избу, затхлым дохнуло в спину: течение воздуха поменялось. Свечи мигнули. Облако дыма, колеблемое сквозняком, вытянулось в окно. Лют заметил влажные блики, двинувшиеся в лесной темноте, и поспешно отвел глаза.

Тут погасли свечи, веревка оборвалась, девушка упала на стол с глухим шлепком, а из очага выметнуло пламя, осветив все ярким желто-оранжевым светом, и опало. В секунды вспышки Лют заметил в окне силуэт и похолодел до мозга костей. Он все же увидел того, кто тянул веревку.

Воцарилась темнота. Хрупнуло за окном. Еще Ближе. Лют лихорадочно чиркнул огнивом.

— Зажги свечу, — сухо и хрипло сказала Буга, и на последнем слогe голос ее едва не взвился: — Свечу!

Что-то задело ставень, звякнуло стеклышко, влажно и медленно шурхнуло по подоконнику.

Искры освещали, казалось, только сами себя. В избе резко похолодало, будто и не было натоплено.

Наконец, искра упала на фитиль, и свеча занялась бессильным прозрачным огоньком.

Буга резко захлопнула ставни и заперла на железный крюк. Запахнула окно грязной шторкой. Узор на окне уже таял, что там за ним — видно не было. И хорошо, подумал Лют.

— Не ест он, — сказала ведьма. — Конину не берет, да и псину выплюнул. Потянуть — потянул, а жрать не стал.

Лют едва ли не отмахнулся. Он зажег еще несколько свечей; в печи тем временем оживал притихший жар, с новой силой потрескивая дровами.

Теперь, при свете, Лют мог рассмотреть девушку.

Та лежала, как упала. На спине, с руками за спиной. Но рот ее был открыт, и она дышала. Ребра ходили под грязной кожей.

— Дышит, дышит, хорош пялиться, — сказала Буга, орудуя кочергой в очаге.

Что-то потерялось о стену дома. Снова звякнуло стекло.

— Зверь не уходит, — сказала Буга. — Плохо. Мясо ему не понравилось. Конь сдохший, а пес паршивый. Спрашивай, да отдадим ее ему, провались она пропадом. Диковинно это — зверя кормить тем, кого вытягивал, ну да и ладно. Пусть отец ее с Костяного спрашивает, коли спросить может.

На губах девушки осел пепел, молодое лицо казалось безмятежным, рана возле глаза кровоточила

широкой полосой. В густеющей крови плавали блики вновь ожившего пламени.

— А раз мы ее на поживу, то глаз я все ж заберу, — сказала старуха.

— Маэв, — позвал Лют.

Девушка открыла глаза. Ярко-оранжевые.

— Ты — Маэв? — спросил Лют дрогнувшим голосом.

— Где мои щипцы? — невпопад спросила вдруг Буга. — Здесь были щипцы.

— Вот они, — ответила вдруг Маэв сипло, садясь одним плавным движением. Руки ее оказались развязаны, и с размаху она всадила разогнутые длинные щипцы Буге в глазницы, проткнув мозг. Железо вошло с чавкающим хрустом и глухо ткнулось в кость.

Старая ведьма успела поднять руку, и все. Маэв оттолкнула ее связанными ногами в бедро, и убитая Буга упала, растянувшись в рост. Волосы ее угодили в очаг и занялись мгновенно, за ними — засаженная одежда.

Лют рванулся вперед, но Маэв уже взяла со стола нож, полоснула по веревке на лодыжках и соскочила на пол.

Лют вытащил пистолет, надеясь, что изуверка не поймет, что он не заряжен.

— Капсюля нет, — просипела та, нагнув обгорелую голову. Кровь из пореза разлинеила ей щеку и шею, скопилась над ключицей. В темно-красном плавали огненные блики.

Лют перехватил пистолет за ствол, Маэв сделала выпад ножом, и Лют отступил к двери.

Что-то тяжело прижалось снаружи к стене, зашуршало. Задрожали от низкого рычания свечи. Комната быстро заполнялась удушливым дымом. Лют сделал еще шаг назад, парировал рукоятью прыткий удар ножа, выбросил левую руку, метя под дыхало.

Маэв махнула лезвием, раскроив людолову запястье. Лют ударился спиной о дверь, и в тот же миг массивное тело долбануло в доски с той стороны. Леденящий рык раздался в двух дюймах за спиной.

Лют на секунду потерялся в дыму и неверном свете и не успел увидеть кулак Маэв, вынырнувший снизу. Она ударила его как мужчина, костяшками в подбородок, голова стукнулась о доски. Боль обожгла вооруженную руку, пистолет вырвало из пальцев, и его же рукоять опустилась на ключицу, ломая кость. Хруснуло, Лют закричал и осел, тщетно пытаясь отмахнуться ногами.

Из дыма выплыло искаженное радостным оскалом лицо Маэв. Оранжевые глаза пылали. Лезвие прижалось к шее, выпуская кровь.

— Ты сумасшедшая, — сказал Лют, задыхаясь. — Но скажи мне. Просто скажи, в Мохаер, две девочки с нянькой, это же была ты?

— Ты думаешь, я помню? — силно спросила она, продолжая улыбаться.

Вот так. Лют о таком даже не думал. Он мог предположить, что она будет отпираться или, наоборот, рассказывать подробности, насмехаясь, но так...

Лют заплакал.

Она взяла его за подбородок свободной рукой, не отводя ножа от шеи, и ударила затылком о дверь. Раз, другой. Он не смог поднять левую руку, а правая оказалась совсем уж слаба. Безразличным взглядом, каким-то краем разума чувствуя, что угорает в дыму, Лют посмотрел вниз и увидел, что сидит в луже крови. Большой луже. Наверное, нож задел вены.

Дверь отворилась, и Лют, потеряв опору, упал на спину, на крыльцо. Его сволокли по ступеням.

— Ого какой, — донесся до него заинтересованный возглас Маэв. — Я так понимаю, пока ты не пожрешь, меня не пропустишь?

Лют лежал на спине, снег падал на лицо, такой приятный, холодный. Наконец-то не пахло дымом, все утонуло в железном запахе крови и еще чего-то.

В поле зрения вплыла морда, и Лют поразился, насколько зверь велик. Он занял тело коня целиком, раздул его, шкура лопнула, натянувшись на выросших костях. Голые ребра покрывала стеклянная розовая слизь, разросшиеся позвонки складывали могучую, перевитую черными лентами шею, лошадиная голова расщепилась на тонкие лучины костей, образовав словно венец клыков. Нижняя челюсть разошлась надвое, как жвала. В окровавленных зубах застряла шерсть.

Уродливое тяжелое копыто наступило Люту на живот, и он закричал, слабо, бессильно.

— Ну ешь, ешь, — сказала Маэв где-то за краем видимого мира. — Потом поедем кататься.